

ЧЕЛОВЕК НА ТОЧКЕ СБОРКИ

Кирилл Бенедиктов

Ни один из представителей современной российской власти не окружен таким количеством мифов, как Владислав Сурков.

Ситуация на первый взгляд парадоксальная: до недавнего времени Сурков избегал публичных выступлений и встреч с журналистами, пользуясь имиджем «серого кардинала» Кремля. При этом о нем ходило гораздо больше слухов, чем о любом другом высокопоставленном российском чиновнике. Сурков пишет тексты группе «Агата Кристи»; Сурков сочиняет детективы под псевдонимом Зотов; Сурков начинал работу в «МЕНАТЕПе» телохранителем Ходорковского; Сурков служил в спецназе ГРУ; Сурков создал не только партию власти — «Единую Россию», но и ее оппонента — «Справедливую Россию». От мифологизации до демонизации один шаг: **многие представители оппозиции воспринимают борьбу с властью как персонифицированную борьбу с Сурковым.** Начал ее в 2004 году Эдуард Лимонов, объявивший Суркова засевающим в Кремле «махровым реакционером», виновным в удушении политических свобод. Три года спустя человек, который по идее должен быть злейшим врагом русских националистов, либерал Евгений Гонтмахер, назвал Суркова «Михаилом Суловым наших дней» и потребовал его ухода: потому что *«сформированная в новой России политическая система при всех ее изъянах не предполагает такой государственной функции, как главный идеолог страны».*

Идеократия? Большой вопрос

«Сурков на самом деле никакой не «главный идеолог», потому

что вовсе не он создал идеологическую модель современной России. Ее сформировали крупные бизнесмены, которые еще в первый ельцинский срок стали подлинными правителями», — заявляет в недавней статье в «Газете.ру» политолог Станислав Белковский. Отчасти это верно: идеологическая модель современной России сформировалась в период ельцинского правления, однако никто не формировал ее специально — и уж точно не «крупные бизнесмены», которых идеология волновала в последнюю очередь. Эта модель противоречива и хаотична — это признает и Белковский, подчеркивая, что «идеальный обитатель современной России вообще лишен политической идеологии в традиционном смысле этого термина», поскольку «для него идеология — просто прикладной PR-элемент».

Именно поэтому ни в период второго президентского срока Ельцина, ни в период первого срока Путина администрация президента (АП) практически не занималась идеологией: Волошин, безусловно, проводил встречи с руководителями теле-

ленной десятками «мозговых центров» и сотнями специалистов высокого класса система, экспортирующая внятные и привлекательные идеи, торжество которых неизбежно ведет к геополитическому поражению России. С этого момента Сурков-политтехнолог и пиарщик превращается в Суркова-идеолога и занимает ту нишу, из которой его так стремятся выбить правые и левые оппозиционеры.

Человек вынужденного консенсуса

В 2005 году было сформулировано понятие суверенной демократии — ключевое для новой идеологической концепции. В эссе «Национализация будущего — параграфы про суверенную демократию» — Сурков подчеркивал: *«Допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения ма-*

Идеологическое доминирование «коллективного интеллектуала» серьезно раздражает энтузиастов либерального реванша

каналов и крупнейших СМИ, но это были в большей степени технические совещания. **Идеология существовала как бы сама по себе, а на деле — не существовала вовсе.**

Толчком к переоценке ситуации послужила, разумеется, «оранжевая революция» на Украине. Выяснилось, что обществу, для которого идеология — «прикладной PR-элемент», противостоит мощная, укреп-

териального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими».

«Суверенная демократия» была реакцией на попытки «международного сообщества» повлиять на политическую ситуацию в России и странах, входящих в зону ее жизненных интересов. Идеологическая концепция, разработанная Сурковым и сформиро-

ванном им интеллектуально-экспертным пулом, была в числе защитным механизмом со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. Но эта модель не пришла на смену какой-либо другой, а заполнила идеологический вакуум.

Продвижение концепции «суверенной демократии», ее включение в программные документы партии власти, широкая дискуссия по связанным с ней вопросам способствовали дальнейшей кристаллизации новой российской идеологии. Сурков и связанный с ним экспертный пул все больше превращались в некоего «коллективного интеллектуала» власти.

Этот термин очень быстро стал предметом оживленной дискуссии и критики. В том числе бывший в то время первым вице-премьером РФ Дмитрий Медведев высказывал сомнения в том, что к слову «демократия» нужно прибавлять какие-либо эпитеты.

То, что сейчас противники Суркова воспринимают его как «Сулова наших дней», связано, прежде всего, с чрезвычайной идеологической фрагментарностью внутривластной жизни страны. Во внутренней политике элитного консенсуса не существует. Роль Суркова, на наш взгляд, не сводится к роли модератора идеологических дискуссий. Это более широкое поле обязанностей, включающее, в частности, **принуждение к консенсусу конкретных политических игроков в целях сохранения стабильности политической системы** (механизмы такого принуждения выходят за рамки этого очерка). Именно в этом контексте следует рассматривать, например, трансформацию СПС в «Первое дело».

«Сурков в одиночестве не остается», — считает бывший подчиненный Суркова по АП Алексей Чеснаков. Действительно, за годы работы «главным идеологом» страны Сурков замкнул на себя целый ряд видных интеллектуалов и деятелей медиасферы.

Степень централизации этого процесса, судя по всему, чрезвычайно велика. Таким образом, **конкретный чиновник из плоти и крови все больше превращается в государственный институт, главной задачей которого является осуществление коммуникативных функций власти.**

«После Суркова»

Слухи об отставке Суркова с завидной регулярностью возникают каждые полгода на протяжении уже десяти лет. Судя по тому, с каким энтузиазмом о необходимости отставки первого заместителя главы АП заговорили эксперты, близкие к ИНСОРу (который позиционирует себя как think tank президента Медведева), идеологическое доминирование «коллективного интеллектуала», персонафикацией которого является Сурков, серьезно раздражает энтузиастов либерального рванша. Надо полагать, «Рубикон был перейден», когда Сурков произнес известную фразу: *«Не будет какой-либо оттепели или какой другой политической слякоти»*, похоронившую надежды либералов на то, что Медведев, которому они давали «три месяца на раздумье», немедленно освободит МБХ, восстановит выборность губернаторов и отправит в отставку премьер-министра. И либералы

объявили Суркову войну: ее отголоски иногда слышатся в интернете, звучат со страниц газет, но основные ее события, разумеется, протекают вдалеке от глаз публики.

Противники Суркова уже сейчас готовы выдвинуть на первые роли альтернативные группы экспертов-интеллектуалов, которые будут защищать модели,

весьма далекие от «суверенной демократии».

Приблизительное представление о том, какой будет эта «новая» (а на самом деле уже апробированная в начале 1990-х) идеология, можно получить из статей Евгения Гонтмахера. Возможно, ротация «экспертного пула» и изменение связанной с ним идеологической модели произойдет в условиях смены парадигмы отношений с США: если популярности «суверенной демократии» способствовала отрицающая компромиссы политика республиканцев, то новая администрация в Вашингтоне, судя по всему, склоняется к тактике объятий и улыбок времен «друга Билла». Но не стоит забывать, что отношения с демократами для Кремля всегда оборачивались большими потерями: под «улыбки и объятия» Россия была вынуждена фактически сдать Сербию, позволить Прибалтике вступить в НАТО и т.д. Чем обернется для России отказ от идеологии «суверенной демократии»? Возможно, скоро мы это узнаем. ■